
ТИПОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР*

С.Б. Зинковский

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена вопросам типологии правовых культур и оснований такой типологии. В качестве критерия типологии правовых культур предлагается система ценностей, лежащая в основе правовой культуры и обеспечивающая ее единство.

Ключевые слова: правовая культура, типология, ценности, интегративный потенциал.

Известная историческая инерционность, устойчивость правовых культур предопределяется ценностями, составляющими генетическое ядро культуры в общесоциальном смысле и правовой культуры как ее составляющей. Ценности, являясь составной частью нормативной культуры общества, характеризуют также и его правовую культуру [4. С. 12]. Ценностно-нормативная культура конкретной социальной общности и правовая культура как ее подвид выступают в качестве управляющей системы, обеспечивающей интеграцию общества, предотвращение и разрешение социальных конфликтов. Исследование ценностей требует историко-типологического и сравнительно-правового подхода.

Право служит мерой поведения субъектов. На ранних этапах своего существования право фиксировало обычный порядок вещей. Следовательно, изначально целями права было сохранение стабильности в обществе, обеспечение устойчивости общественных отношений, сложившихся в данной социальной общности. Правовая культура включает в себя специфический элемент — правовую ментальность [2], которая обеспечивает структурную интеграцию социальных, в частности правовых, явлений — правовых норм, правовой доктрины, юридической практики. Правовая ментальность, как категория, обладающая интегрирующим потенциалом, включает в себя бессознательный духовный опыт и формируемое на его основе правосознание. Фундамент правовой ментальности образуют первичные психические структуры — архетипы. В процессе этногенеза и культурно-исторического развития эти архетипы наполняются специфическим содержанием, образуя стандарты и стереотипы правового поведения, принятого в данной социокультурной среде [7. С. 20].

* Статья выполнена в рамках НИР «Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур» на период 2013–2015 гг. (тема № 090404-0000).

Таким образом, признавая за правом социально-интегрирующие функции, исследователь сталкивается с необходимостью характеристики опыта и знаний о социальной жизни и ее нормировании, имеющихся у общества и определяющих для его членов понимание конкретных правовых ситуаций и поведение в них. Эта система знаний и опыта консервативна в силу своего целевого назначения, представляя собой адаптационный механизм, посредством которого общество и его члены интерпретируют и усваивают текущий социальный опыт. В силу этого данная система способствует снижению интенсивности воздействия на общество внешних факторов, способных при определенных обстоятельствах спровоцировать дезинтеграционные социальные процессы.

Ценности, являясь наиболее устойчивой составляющей правовой культуры общества, отражают элементы его «генетического кода». Как следствие, они обладают значительным интегрирующим потенциалом. Ценности формируют принципы социального устройства, которые, в свою очередь, находят свое выражение в праве данного общества.

Ценности обуславливают формирование правовых традиций, на основе которых строится типология правовых культур. С точки зрения цивилизационных критериев представляется возможным выделить восточную и западную правовые традиции, которые, в свою очередь, лежат в основе правовых культур восточного и западного типа.

Восточная и западная правовые традиции существенно различаются по своим ценностным парадигмам. Если восточная традиция характеризуется утверждением единства общества и человека, то западная традиция обозначает противопоставление личности и общества, приоритет индивидуальных ценностей над общественными.

В западноевропейских обществах доминирующим принципом, определяющим характер общественных отношений и содержание регулирующих их правовых норм, является субсидиарность [1. С. 88–91], которая означает приоритет личности по отношению ко всем светским и церковным организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которых является, то есть вспомогательный, дополнительный характер всех общественных структур по отношению к личности.

Условием эффективного функционирования социального организма при реализации правового принципа субсидиарности является развитие индивидуализма, то есть автономности индивида в социальных действиях. Так, распространение в Западной Европе брачных контрактов, закрепляющих индивидуальные права супругов в организации семейной жизни и пользования результатами совместной деятельности, должно было способствовать изменению природы семьи, расширению возможностей для ее распада, негативному влиянию этих процессов на общество. Однако в действительности правовой институт брачных контрактов, наоборот, способствовал повышению уровня социальной ответственности лиц, вступающих в брак, сохранению взаимосвязей между членами семей, находящимися в разводе, социализации и социальному обеспечению детей — в конечном итоге, укреплению социальных взаимосвязей.

Правовая культура западного общества способствует развитию стратификации общества. Социальное неравенство активно используется европейскими государствами при формировании правовой политики. Так, установление прогрессивных ставок в налогообложении способствует формированию положительного психологического климата и необходимых мотиваций в сфере налоговых отношений частноправовых субъектов и государства. Социальная политика европейских государств призвана не столько воспрепятствовать социальному неравенству, сколько компенсировать его негативные последствия (социальную напряженность, психологический протест социально-неактивных членов общества).

Таким образом, социальное неравенство как институт, нашедший свое отражение в праве западноевропейских государств, стимулирует государство к предупреждению и разрешению социальных конфликтов и выступает в качестве предпосылки для формирования правовой политики. В то же время социальное неравенство проявляется в том, что наиболее значимые места в социальной структуре занимают самые квалифицированные люди.

В политико-правовой сфере очевидна связь института выборов с социальной стратификацией. Действительно, выборы предполагают наличие неравных позиций разных кандидатов и сравнение их избирателями в ходе голосования.

Правовой принцип свободы, означающий самостоятельность и независимость действий социальных субъектов от действий других лиц, невмешательство их, социума и общественных структур в дела друг друга, с одной стороны, должен был способствовать социальной дезинтеграции. Но, с другой стороны, определяя характер и уровень автономности человека, он установил ее четкие границы, выражающиеся в признании индивидом права действовать точно так же за другими субъектами. Принцип свободы стимулировал повышение роли частной собственности и иных рыночных институтов, развитие правового регулирования в этой сфере, что, в свою очередь, стало основой всей западноевропейской интеграции в целом.

В правовых культурах восточного типа социальная интеграция достигается за счет иных институтов, принципов и процедур. Основой таких правовых культур являются принципы коллективизма, эгалитаризма и порядка.

Принцип коллективизма предполагает, что деятельность общества и его членов строится на постановке общественно значимых целей, которые опосредуют, «пронизывают» общественные отношения и межличностные связи. Для людей в обществах восточного типа общие цели занимают господствующее положение по сравнению с индивидуальными целями. Следствием этого является приоритет развития и сохранения общества как целого по сравнению с личным развитием.

Принцип коллективизма в восточных обществах основан на ответственности индивида перед обществом, неотделимости личности от коллектива. Самостоятельные, индивидуальные действия оцениваются членами восточного общества как предательство.

Будучи системообразующей категорией в восточных обществах, принцип коллективизма оказывает влияние на действующее в них право. Последнее не-

редко закрепляет господство общественных и государственных форм собственности и регламентирует институты редистрибутивной экономики, которые отвечают особенностям менталитета членов таких обществ, принимаются обществом как типичные и справедливые с точки зрения общественного сознания. В политической сфере принцип коллективизма формирует специфические механизмы легитимации общественно значимых решений — примером этого могут служить общие собрания, сходы, широкое распространение принципа единогласия при принятии решений.

Правовой принцип эгалитаризма в обществах восточного типа означает, что на всех членов общества возлагаются обязанности по исполнению определенных социальных ролей и функций и при этом им предоставляется право равного доступа к пользованию общественными благами. При этом при перераспределении общественных благ член общества получает вознаграждение, пропорциональное его вкладу в решение общих задач. Таким образом, создаются необходимые стимулы для социально полезного поведения, для повышения степени социальной ответственности субъектов, их социализации. По сути, эгалитаризм не отождествляется с «уровниловкой», противоречащей свободе, он рассматривается как доктринальная основа участия субъектов в жизни общества, выполнения ими активных социальных ролей.

Правовой институт порядка предполагает самоограничение индивидуальных действий и целей ради достижения общего блага. Субъекты в обществе находятся в постоянной взаимной зависимости, социальная организация определяет поведение индивидов, социальная среда ограничивает их действия. Подобное ограничение индивидуальных действий и целей людей обуславливается общностью их культуры, выражающейся в общей для них системе социальных отношений.

Указанные институты и принципы, присущие обществам восточного типа, поддерживают приоритет общественной целостности и общественных интересов и формируют особый тип общественного и индивидуального сознания. Например, российское общество характеризуется распространением общинных и коллективных ценностей в общественном сознании. Китайская цивилизация основана на признании власти общества над индивидом. Японское общество характеризуется приоритетом семейных и коллективистских ценностей.

Принципы социального устройства, сформированные на основе ценностей, способны выступать в качестве интегрирующего механизма только в условиях отсутствия структурных конфликтов внутри общества. При их наличии происходит изменение системы принципов, на основе которых типологизируются социальные ситуации. До разрешения указанных конфликтов система принципов не может приобрести устойчивость и постоянство.

В период структурных конфликтов внутри общества, в условиях, когда выработанные в рамках политико-правовой культуры механизмы разрешения социальных конфликтов и стереотипы поведения оказываются неадекватными новой исторической ситуации, роль ценностей как одного из основных механизмов интеграции общества существенно повышается. Единство общества в таких условиях достигается на социально-психологической основе.

Система ценностей предполагает их определенную упорядоченность, иерархию. В условиях внутренне дифференцированного общества система ценностей позволяет поддерживать сложную, но целостную картину мира у его членов, создавать своего рода общенациональные ориентиры, которые, в свою очередь, интегрируют действия людей, принадлежащих к различным социальным группам и имеющих подчас несовместимые интересы. Часто эти процессы выражаются в создании правовых актов программного характера, в закреплении в законодательстве норм-целей.

Структурные кризисы в обществе стимулируют поиск социального компромисса. Это находит свое отражение в законодательном закреплении политико-правовых институтов, процедуры формирования и функционирования которых способны обеспечить согласование социальных интересов, снижение уровня социальных конфликтов и достижение социального единства. Так, в европейских правовых культурах роль интегрирующего политико-правового института сыграл парламент. В основе деятельности парламента лежала идея представительства и согласования различных социальных и групповых интересов. Это позволило ему стать инструментом социального компромисса, в силу изначально присущей ему интегрирующей функции.

Важная роль в обеспечении устойчивости общества принадлежит взаимодействию различных правовых культур [10. С. 72–93]. В процессе конкуренции принципов, институтов и процедур достигается баланс социального развития, снижение вероятности социальных конфликтов. «Закрытый» характер общества, невосприимчивость правовых культур на определенных этапах их развития к внешнему воздействию, равно как и отказ по политическим мотивам заимствовать позитивный опыт иных политико-правовых культур могут привести к кризисам и социальной дезинтеграции. Примером этого может служить период «великой депрессии» в США в конце 20-х гг. XX в., ставшей следствием абсолютизации роли рыночных институтов; развал СССР, спровоцированный невосприимчивостью советской социальной системы к социально-экономическим и политико-правовым достижениям западных правовых культур.

Позитивным примером заимствования элементов иных правовых культур может служить перестройка в СССР в середине 1980-х гг., которая сопровождалась распространением либеральных и демократических ценностей в общественном сознании, внедрением институтов и процедур, способствующих развитию индивидуализма и социального расслоения. Заимствование западных ценностей и западной социальной практики имело место в Китае в конце XX в. в период социально-экономических и политических реформ.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что единство и целостность современного общества достигаются благодаря не только внутренним свойствам права как нормативного интегрирующего механизма, но и усилиям государства как институционального и процедурного воплощения права.

Процесс исторического развития ведет к усложнению общественных взаимосвязей, к появлению новых целей у членов общества. В этих условиях государство как институциональное воплощение права должно обладать способно-

стью адаптации новых целей и отношений к сложившемуся общественному укладу. В этой связи эффективность деятельности государственной власти оценивается с точки зрения его способности обеспечивать интегрированность общества при усложнении общественных отношений и социальной дифференциации. Интегрирующая деятельность государства выражается в том, что посредством позитивного права оно закрепляет, формализует систему ценностей, по поводу которых в обществе достигнут компромисс, а также основные способы социального контроля в обществе и поощряет развитие различных форм социальной ответственности.

Институциональное воплощение права не исчерпывается только государственными формами. Новейшая история африканских государств свидетельствует о том, что даже в условиях наличия государства интеграция общества традиционного типа может достигаться за счет негосударственных социальных структур и институтов. В этой связи справедливым представляется вывод М.А. Супатаева о том, что «все культуры равноправны в том смысле, что они способствуют сохранению единства своих народов. Неравенство между ними обусловливается лишь различием тех средств, которые имеются в их распоряжении» [9. С. 7].

Право служит инструментом институционализации и стабилизации культуры. Наличие в традиционных обществах относительно устойчивого социального порядка не отрицается современными исследователями. В связи с этим английский ученый Уайт отмечал, что право в традиционных обществах следует понимать как сложившуюся «народную систему социального контроля», и для уяснения его содержания и влияния на общество необходимо отказаться от западных критериев права [13. Р. 86].

Функции механизма социализации индивида в традиционных обществах выполняет кровнородственная группа, посредством которой индивид усваивает культурные традиции своей общности и ее ценности. Интегрирующий потенциал традиционного права заложен в нерасчлененности производственной и духовной деятельности традиционного общества, в коллективизме и солидаризме, в высокой степени синкретности социальных регуляторов.

Индивид в традиционных обществах ориентируется на коллективные действия, на общественное мнение, на взаимные обязательства членов общины. Такого рода ориентации требуют психического подчинения индивида общине, в результате чего происходит унификация поведения членов общины, их целей и интересов, поскольку проявления индивидуального подчинены единообразному общему. Таким образом, клановая и племенная структура обладает внутренней устойчивостью и в совокупности с традиционными ценностями и стереотипами поведения способна противостоять любым изменениям. Это происходит, в первую очередь, потому что групповая связь в существенной мере снижает возможность появления новых запросов в обществе и потребностей в их удовлетворении. Внедряемые «сверху» общественные отношения, например, отношения частной собственности, связанные с ними правовые институты и социальные противоречия оказываются неспособными разрушить господствующие в традиционных обществах принципы построения межличностных отношений.

Обслуживая относительно немногочисленные социальные общности, культура, присущая каждой из них, характеризуется замкнутостью. Эта черта культуры традиционного общества предопределяет совпадение политико-правового сознания с этническим сознанием, которое обладает большей степенью устойчивости и большим интегрирующим потенциалом.

Важнейшими проявлениями социальной интеграции в традиционных обществах являются утвердившаяся в них политическая структура и право. Придание им сакральных свойств приводит к тому, что представители верховной власти рассматриваются индивидами в качестве символов единства и благополучия всего общества.

Примером в этом отношении может служить японское общество. Еще в эпоху феодализма традиционное японское общество приобрело ряд структурных характеристик, наложивших отпечаток на его дальнейшее развитие. В их число входят «сильная выделенность центра, очень интенсивное взаимодействие центра и периферии; относительно высокая степень самовыражения в статусной и политической ориентации социальных слоев... тенденция к наложению различных структур друг на друга и к организационному плюрализму» [11. С. 199–200].

В Японии всегда признавалась необходимость поддерживать культурный и социальный порядок. Синкретность мироощущения, присущая японскому обществу, предполагала существование мирского и трансцендентального мировых порядков и их тесное переплетение. В этом контексте императорская власть воспринималась как своеобразная ось обоих порядков на Земле. «Императорская символика воспринималась в основном как выражение первоначальной общности; она ... не подразумевала автономный доступ каких-либо социальных слоев к центру» [11. С. 200]. Следствием такого устройства отношений власти и подвластных стало то, что горизонтальное расслоение японского общества выражено относительно слабо. Система социальной иерархии в Японии основана на критериях служения общности, а основу культурных связей правителей и управляемых в Японии составляют принципы элитарности и патриархальности. В то же время индивидуализм так и не укоренился в Японии, и, в противоположность ему, основу единства японского общества составляет коллективное служение общему благу, символом которого выступает император как духовный глава нации [12. С. 56].

После реставрации Мэйдзи во второй половине XIX — начале XX в. в Японии было сформировано централизованное государство современного типа, основывающееся на принципе гражданского общества и системе представительных учреждений. Однако средством легитимизации нового режима по-прежнему осталась императорская власть, ограничивающая доступ периферии к центру и предоставляющая право контроля за этим доступом императору или его представителям.

С точки зрения правовых процедур достижению единства традиционного общества способствует активное применение неформальных институтов разбирательства конфликтов, примирительных обрядов, компенсации и реституции

как средств разрешения споров. Целью традиционного права является не столько наказание правонарушителей, сколько восстановление нарушенного социального порядка и поддержание социального равновесия.

Российская культура представляет собой генотип, на основе которого формируются уникальная система ценностей, определяющая особенности российского общества, в том числе его восприимчивость к создаваемым моделям правового регулирования общественных отношений. В российской национальной культурной традиции совмещаются как западные, так и восточные корни. «При всем том, что культура России представляет собой органическое целое, она, как и все другие культурно-исторические типы, складывается из многих разнокачественных пластов» [3. С. 168]. Во многом это предопределяет динамику развития российских правовых традиций.

Отрицать возможность изменений в культуре беспочвенно. Однако своего рода аксиомой является тезис об устойчивости ее ядра, которое остается неизменным на протяжении всей истории того или иного общества. «Продвижение России по пути прогресса зависело от собственных усилий, синтезирующих достижения европейской культуры с наиболее ценными традициями» [8. С. 252].

Российская национальная культурная традиция означает совокупность сформировавшихся в досоветский и советский период стереотипов в сознании и поведении людей. Несмотря на неоднородность российской культуры, в ней присутствует ряд системообразующих элементов. В числе таких элементов нередко называют этатизм как историческую традицию тесной связи народа с государством; «имперское» мышление; коллективизм и отсутствие традиций индивидуализма и гражданской ответственности; укоренившееся в моральных и религиозных установках неприятие частной собственности как основной формы собственности; наличие большого числа наиндивидуальных ценностей [5. С. 26–27].

В российском праве никогда не было праволиберальной «корневой основы». Оно недостаточно восприимчиво к либеральным идеям. Основной причиной этого является отсутствие исторической практики и опыта обеспечения гражданских прав и свобод, ценностей индивидуализма в общественном сознании.

Российское теоретическое правосознание остается сугубо позитивистским, не имеющим должной связи с культурой, духом, менталитетом, религией, моралью, языком, обычаями, традициями, жизненными устоями народа, нации, социума, государства.

Проявление этих особенностей индивидуального и общественного сознания и общественных отношений обуславливает особые формы правового воздействия на российское общество, характеристики правовых норм в государстве (в частности, с точки зрения определенности предписаний — преимущественное использование императивных норм при осуществлении правового регулирования в различных сферах общественной жизни).

Анализ ценностных систем различного типа и степени их влияния на правовую сферу жизни общества позволяет сделать вывод о том, что модели обще-

ственных отношений обусловлены культурой соответствующего общества. Культура формирует различные механизмы человеческого поведения, без понимания которых невозможно эффективно воздействовать на субъекта, совершающего определенные поведенческие акты. Таким образом, межкультурное взаимодействие предполагает учет различных альтернативных ценностей как западных, так и незападных культур для того, чтобы учесть особенности психических процессов и основанных на них поведенческих реакций представителей различных культур.

Эти выводы приобрели особую актуальность в условиях современных социально-экономических, политических и правовых изменений в современном мире, приобретающих глобальные масштабы и соответствующие им формы [6. С. 6–19]. Результатом этих изменений стала необходимость изучения цивилизационных основ различных обществ, без учета которых невозможно понять ряда важных закономерностей развития современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гаганова Н.А.* Концепция разделения властей и идея субсидиарности // Государство и право. — 2003. — № 3.
- [2] *Кулыгин В.В.* Этнокультура уголовного права: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. — Владивосток, 2003.
- [3] Культура и реформа: резюме научной конференции // Политические исследования. — 1993. — № 2.
- [4] *Мартышин О.В.* Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. — 2005. — № 4.
- [5] *Мартышин О.В.* О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. — 2003. — № 10.
- [6] *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // Политические исследования. — 2002. — № 2.
- [7] *Рогожин С.Л.* Международное право как диалог и столкновение цивилизаций // Московский журнал международного права. — 2004. — № 4 (56).
- [8] *Сербиненко В.В.* О глобалистских и антиглобалистских интенциях в истории русской мысли // Глобализация и мультикультурализм: Доклады и выступления. VII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток-Запад», 14–16 апреля 2003 г., Москва / под ред. Н.С. Кирабаева, А.В. Семушкина, Ю.М. Почты, С.А. Нижникова. — М.: РУДН, 2004.
- [9] *Супатаев М.А.* Культурология и право (на материале стран Тропической Африки). — М., Издательская группа «ФОРУМ-»ИНФРА-М», 1998.
- [10] *Сухарев М.В.* Движение цивилизаций: Россия и Запад // Политические исследования. — 2005. — № 1.
- [11] *Эйзенштадт Ш.Н.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект Пресс, 1999.
- [12] *Эндрейн Ч.Ф.* Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. — М.: Издательский дом «ИНФРА-М», Изд-во «Весь Мир», 2000.
- [13] *White C.* African Customary Law: The Problem of Concept and Definition // Journal of African Law. — London, 1965. — Vol. 9. — № 2.

THE TYPOLOGY OF LEGAL CULTURES

S.B. Zinkovskiy

The Department of Theory and History of State and Law
Peoples Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the issues of typology of legal cultures and of the basis of such typology. As a criterion of the typology of legal cultures the author suggests the system of values, lying in the basis of legal culture and providing its integrity.

Key words: legal culture, typology, values, integrative capacity.

REFERENCES

- [1] *Gaganova N.A.* Koncepciyarazdeleniyavlasteyiideyasubsiarnosti // Gosudarstvo i pravo. — 2003. — № 3.
- [2] *Kulygin V.V.* Etnokul'tura ugolovnoho prava: avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk. — Vladivostok, 2003.
- [3] Kul'tura i reforma: rezyume nauchnoy konferencii // Politicheskie issledovaniya. — 1993. — № 2.
- [4] *Martyshin O.V.* Nacional'naya politicheskaya i pravovaya kul'tura v kontekste globalizacii // Gosudarstvo i pravo. — 2005. — № 4.
- [5] *Martyshin O.V.* O nekotorykh osobennostyakh rossiyskoy pravovoy i politicheskoy kul'tury // Gosudarstvo i pravo. — 2003. — № 10.
- [6] *Pantin V.I., Lapkin V.V.* Evolyucionnoe uslozhenie politicheskikh sistem: problemy metodologii i issledovaniya // Politicheskie issledovaniya. — 2002. — № 2.
- [7] *Rogozhin S.L.* Mezhdunarodnoe pravo kak dialog i stolknovenie civilizaciy // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2004. — № 4 (56).
- [8] *Serbinnenko V.V.* O globalistskikh i antiglobalistskikh intenciyakh v istoriirussskoy mysli // Globalizaciya i mul'tikul'turalizm: Doklady i vystupleniya. VII Mezhdunarodnaya filosofskaya konferenciya «Dialog civilizaciy: Vostok-Zapad», 14–16 aprelya 2003 g., Moskva // pod red. N.S. Kirabaeva, A.V. Semushkina, Yu.M. Pochty, S.A. Nizhnikova. — M.: RUDN, 2004.
- [9] *Supataev M.A.* Kul'turologiya i pravo (namateriale stranTropicheskoyAfriki). — M., Izdatel'skayagruppa «FORUM-»INFRA-M», 1998.
- [10] *Sukharev M.V.* Dvizhenie civilizaciy: Rossiya i Zapad // Politicheskie issledovaniya. — 2005. — № 1.
- [11] *Eyzenshtadt Sh.N.* Revolyuciya i preobrazovanie obschestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizaciy. — M.: Aspekt Press, 1999.
- [12] *Endreyh Ch.F.* Sravnitel'nyy analiz politicheskikh sistem. Effektivnost' osuschestvleniya politicheskogo kursa i social'nye preobrazovaniya. — M.: Izdatel'skiy dom «INFRA-M», Izd-vo «Ves' Mir», 2000.
- [13] *White C.* African Customary Law: The Problem of Concept and Definition // Journal of African Law. — London, 1965. — Vol. 9. — № 2.